

АЛЕКСЕЙ ГРОМЫКО

«ПОПУЛИЗМ В ЕВРОПЕ – ВЫРАЖЕНИЕ ГЛУБИННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ...»

Алексей Анатольевич Громько – политолог, историк, член-корреспондент Российской академии наук, один из ведущих отечественных специалистов по Великобритании и общеевропейским процессам, отношениям России и ЕС. Его работы получили широкое признание не только в России, но и за рубежом. Алексей Анатольевич родился в 1969 г. в Москве. Обучался на историческом факультете Московского государственного университета. В 1997 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную сопоставлению неоконсерватизма и «нового лейборизма», а в 2005-м – получил докторскую степень. На протяжении почти полутора десятилетий руководил Центром британских исследований Института Европы РАН. С 2010 г. он возглавляет российскую Ассоциацию европейских исследований – крупнейшее профессиональное объединение исследователей-европеистов. В 2014 г. занял пост директора Института Европы РАН. Ал.А. Громько совмещает административную работу с активной экспертной и научной деятельностью, регулярно публикуя новые исследования и выступая на основных российских и зарубежных площадках.

Ответственный секретарь «Международных процессов» И.А. Истомин встре-

тился с Алексеем Анатольевичем и задал ему ряд вопросов относительно текущего состояния европейских исследований в России, перспектив развития Европейского Союза и партийно-политических систем в Европе.

И.И.: *Алексей Анатольевич, спасибо за то, что согласились ответить на вопросы нашего журнала. В 2017 г. Институту Европы, который Вы возглавляете, исполняется тридцать лет. Хотели бы сразу поздравить Вас с этим юбилеем и спросить, как Вы оцениваете результаты его работы и в чем видите основные задачи на перспективу?*

А.Г.: Благодарю за приглашение в вашу рубрику и также за то, что в первом же вопросе поднимаете тему юбилея. В самом деле, в грядущем году мы отмечаем тридцатилетие Института Европы, созданного в конце 1987 года. Институт открывался для изучения стран и организаций Западной и Центральной Европы. Вспомним о том, что в 1988 г. было заключено первое соглашение в истории отношений между Советским Союзом и Европейским экономическим сообществом.

Более того, в этом же году мы отмечаем ещё один юбилей – 25-летие Ассоциации

европейских исследований. Она была основана по инициативе Института Европы, в частности Юрием Антоновичем Борко. АЕВИС – межрегиональная общественная организация. В нее входят 28 региональных отделений от Калининграда до Новосибирска. Ассоциация начала работу в 1992-м. Тогда также было рубежное время для процессов западноевропейской интеграции, ведь на следующий год вступил в силу Маастрихтский договор, положивший начало созданию Экономического и валютного союза, а он в свою очередь привёл к появлению новой валюты – евро.

Открытие и Института, и Ассоциации шло в ногу со временем. Появление этих организаций было вызвано не субъективными факторами, а объективной востребованностью таких коллективов и научно-исследовательских структур. При этом задача была не в том, чтобы начинать с нуля. Европейские исследования развивались и в Советском Союзе: их становление и развитие можно проследить с 1950-х годов. За это время сформировалось несколько поколений ученых-международников, хотя европеистика до 1990-х годов не выделялась в отдельную отрасль региональных исследований. По сути же европейские исследования, безусловно, расширились все 1950-е – 1980-е годы.

В 1990-х на этой базе усилиями специалистов из Москвы, Петербурга, Иваново, Томска, Тюмени, Ростова-на-Дону, других городов страны была создана сильная школа, точнее несколько школ в области европейских исследований, которые охватывают и страноведение, и общерегиональные исследования в рамках Старого Света, и исследования интеграционных процессов и функционирования европейских организаций – ЕС, Совета Европы, НАТО, ОБСЕ. Конечно же, эти исследования из года в год расширяли поле своей деятельности в связи с тем, что региональные интеграционные процессы охватывали все больше стран.

Институт Европы занимается такой востребованной темой, как взаимодействие различных интеграционных проектов не только в Европе, но и шире – в

Евразии. Например – соотношение региональных интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в Западной и Восточной Европе, включая сопоставление моделей Евразийского экономического союза и Евросоюза. Ставятся вопросы о недопустимости укоренения идеи «новой холодной войны», об опасности дальнейшей эскалации в отношениях России и Запада, о природе «нового популизма», о дилемме универсализма и уникальности модели ЕС и др.

За прошедшие 30 лет европеистика в нашей стране проделала огромный путь, стала одной из лучших в мире. Сейчас в России только в рамках АЕВИС работает более 400 специалистов. Это доктора и кандидаты наук, члены РАН, сотрудники нескольких академических институтов и многих университетов, в целом – высокопрофессиональные эксперты в различных областях европейских исследований. В одном Институте Европы трудятся более 80 учёных-европеистов. Ещё один факт – в АЕВИС больше членов, чем в ассоциации, действующей в США. Рады тому, что Институт Европы РАН и АЕВИС внесли существенный вклад в становление отечественного сообщества европеистов, сотрудничают со многими ведущими исследовательскими и образовательными центрами в нашей стране и за рубежом.

И.И.: Вы остановились на условиях появления Института и Ассоциации. Хотел бы спросить Вас о влиянии на их деятельность внешних обстоятельств – Институт и Ассоциация создавались на фоне сближения сначала Советского Союза, потом России с западноевропейским сообществом, распространения идей «общего европейского дома», общих пространств. Сегодня многим эти надежды кажутся утопичными. Как разочарование в отношениях России и евроатлантического сообщества сказывается на развитии европейских исследований?

А.Г.: Думаю, что науку двигает не разочарование и не политическая конъюнктура, а стремление к изучению выбранного объекта исследования. В данном случае

европеистика изучает один из самых развитых, интересных и динамичных регионов мира – Европу. Европа не сводится к конкретной территории или к какой-либо организации. ЕС не равняется Европе, его можно назвать не более, чем Малой Европой. Европа не сводится к географическому представлению о ней как о территории от Атлантического океана до Урала. Европа – это в широком смысле цивилизационное пространство от Атлантики до Тихого океана, именно в этих границах мы изучаем Европу. Если бы научные исследования строились в зависимости от разочарований, связанных, например, с отношением сил между политическими субъектами, то в России можно было бы закрыть исследования, связанные с Соединёнными Штатами, учитывая, что отношения между Россией и США находятся на низшей точки не только в постбиполярную эпоху, но и с учетом значительной части периода «холодной войны».

Европейские исследования – одна из самых перспективных отраслей познания с точки зрения страновых и региональных исследований. На этом пространстве события и процессы, как глубинные, так и текущие, развиваются стремительно. Происходят события, которые помогают совершенствовать концепции и подходы, заложенные в европейских исследованиях в последние десятилетия, но которые меняют наши представления о тех или иных структурах и системах, будь то, например, партийно-политические системы или социально-экономические модели развития. Меняются не только количественные, но и качественные параметры развития стран и организаций.

Европейский Союз, например, находится в фазе транзита, когда преобразуются формы его функционирования и существования. Вся организация в целом переживает глубокую трансформацию с неопределёнными сценариями развития в среднесрочном будущем. Встают вопросы о развитии отдельных государств, столкнувшихся в Европе с нагромождением кризисных явлений, начиная с конституционного кризиса

ЕС в 2005 году. За ним последовал глобальный экономический кризис, обрушившийся на Европу в 2008 году. Потом были кризисы бюджетных дефицитов и государственных долгов, миграционный кризис, кризис управляемости в ЕС, кризис пересмотра отношения к концепции государства-нации и множество других интересных моментов, которые ставят не только перед политиками и дипломатами, но и перед учеными острые вопросы. На них необходимо давать ответы, чтобы наука выполняла одну из своих обязательных функций – объяснять и прогнозировать развитие ситуации хотя бы на обозримое будущее.

Перед европейскими исследованиями, например, встает интереснейшая проблема, которую можно обозначить как «дилемма универсализма и уникальности». Важно понять, какое место в ближайшем будущем займут исследования европейской интеграции в рамках изучения процессов интеграции, которые не обошли стороной ни один регион мира. Дилемма связана с тем, что феномен европейской интеграции долго рассматривался и как уникальный объект для исследования, и как образец для подражания. Это противоречие рано или поздно должно было разрешиться. Ещё 10 лет назад считалось, что, несмотря на уникальность ЕС по ряду параметров, именно эта модель будет распространяться дальше на другие региональные интеграционные процессы по всему миру.

История последних лет ставит вопрос о том, насколько эта уникальность может претендовать на потенциальный универсализм, учитывая то, что процессы, происходящие в Западной и Центральной Европе, не соответствуют тем ожиданиям и настроениям, которые преобладали в региональных интеграционных исследованиях в начале XXI века. Тогда доминировало апологетическое направление в европейских исследованиях, считалось, что в свете глобальной роли ЕС именно европеистика будет и дальше служить локомотивом в интеграционных исследованиях как таковых. Скорее всего, модель под названием «Евросоюз» так и останется уникальной, а во-

прос будет заключаться не в том, как её использовать для репродуцирования и трансплантации в других регионах мира, а как правильно и выборочно применить её опыт в эпоху большой дестабилизации, неопределенности и высоких рисков.

В целом же европейские исследования не потеряют значения для нашей страны. Европа, пусть только географически, но остаётся тем местом, где проживает большая часть российского населения, где расположен её основной промышленный потенциал, её крупнейшие финансовые центры, львиная доля инфраструктуры. Взаимосвязь европейской части нашей страны с Западной и Центральной Европой больше, чем с какими-либо другими регионами планеты в политическом, культурном, социальном, финансовом плане.

И.И.: *Алексей Анатольевич, позвольте спросить о Вашем личном научном интересе. Вы много лет уделили изучению Великобритании, британской партийно-политической системы. Что вывело Вас на эту тему?*

А.Г.: Великобритания, с моей точки зрения, одна из наиболее интересных стран Европы. Во многом, между прочим, она сильно напоминает нашу страну. В королевстве, как и в России, уже очень давно существуют свои почвенники и западники. В частности, это выразилось в дискуссии британских евроскептиков и евроэнтузиастов в последние 30 лет. Великобритания и Россия образно опоясывают Европу с запада и востока. Во многом эти страны антиподы, но во многом они похожи друг на друга по ментальности, мировоззрению, отношению к окружающему миру.

С 2000 по 2014 годы я руководил Центром британских исследований в Институте, который и создал. Моим преемником стала Елена Владимировна Ананьева. В деятельности Института Европы британские исследования среди страновых продолжают занимать одно из ключевых мест.

Великобритания постоянно «подбрасывает» интересные темы. Это и проблематика, связанная с отношениями государств-членов и брюссельской бюрократией, и сюжет с внутренним сепаратизмом и в более широком смысле — с отношениями между центром и регионами в формально унитарном государстве. И тема взаимоотношений европейских государств и США (сейчас политический истеблишмент Соединенного Королевства пытается придать новое дыхание концепции «особых отношений» с Соединёнными Штатами). Британия преподносит много сюрпризов, побуждая специалистов к изучению её внутренней и внешней политики, партийно-политической системы. Трудно пройти мимо таких тем, как «брекзит», результаты всеобщих выборов 2017 года, шотландский сепаратизм, перипетии политического процесса в Северной Ирландии, новации в военной стратегии и др.

Именно Британия последние десятилетия в сфере политэкономии была одним из законодателей мод в Западной Европе. Она была первой, по которой прокатилась «неолиберальная волна», воплощением которой стала политическая концепция «тэтчеризм». До сих пор в Европе многие государства пытаются использовать тот опыт, возьмите, например, Францию.

И.И.: *Алексей Анатольевич, Вы упомянули Центр британских исследований, который возглавили в 2000 году, но изначально Вы работали в другом учреждении и перешли в Институт Европы в начале двухтысячных. Каков был Ваш профессиональный путь и как Вы пришли в Институт Европы из Института сравнительной политологии.*

А.Г.: Да, это был знаменитый Институт международного рабочего движения, возглавляемый Тимуром Тимофеевичем Тимофеевым¹. В 1990-х годах институт был переименован в Институт сравнительной политологии. В нём в 1997 г. я защитил

¹ Интервью с Т.Т. Тимофеевым было опубликовано в одном из предыдущих выпусков журнала «Международные процессы» (см. Тимофеев Т. «...Сегодня связь науки с властью столь слаба, потому что между ними существуют расхождения в оценке сути социально-экономического курса...» // Международные процессы. — 2008. — Т. 8, № 1. С. 104–112).

свою кандидатскую диссертацию, а через несколько лет перешёл в Институт Европы для того, чтобы создать Центр британских исследований. Позже Тимур Тимофеевич также пришёл в ИЕ РАН и много лет занимался цивилизационными исследованиями. Мы вместе провели немало конференций и опубликовали целый ряд работ. Он был неустанным и пытливым исследователем, оптимистом по натуре, жизнелюбивым и доброжелательным человеком.

И.И.: *Продолжая разговор про политико-правовую систему Великобритании, которую Вы долгое время изучали. У внешних наблюдателей складывается ощущение, что сегодня в ней происходят тектонические изменения с учетом роста значения «третьих» сил. В 2010 г. наблюдалось вообще редкое в Великобритании явление – коалиционное правительство. Чем, на Ваш взгляд, вызваны эти трансформации, чем обусловлено их проявление сейчас и связаны ли они с изменением положения самой Великобритании в Европе и мире?*

А.Г.: В политической системе Великобритании происходят процессы, начало которым было положено ещё в 1970-х годах, и трансформацию партийно-политической системы страны можно отсчитывать с тех пор. В этом государстве сохраняется, если судить по формальным признакам, доминирование двухпартийной системы (в отличие от Италии или, например, Франции). В Британии две традиционно (с начала XX века) ведущие партии – консерваторы и лейбористы – не уступили первенства третьим силам. Вместе с тем, в конце прошлого столетия в королевстве сложилась «двух-с-половинная» партийная система.

Более того, с учётом уровня региональных партийно-политических систем, в Британии уже давно, со времён реформ по деволуции Т. Блэра, действует многопартийная система: на национальном уровне она представлена «двух-с-половинной» моделью, которая предусматривает возможность подключения третьей партии к механизмам управления. В частности,

с 2010 г. это была партия либеральных демократов, с 2017 г. – Демократическая юнионистская партия. Между тем на региональном уровне в Великобритании функционируют полноценные многопартийные системы – в Уэльсе, Шотландии, Северной Ирландии. Причем в этих системах Лейбористская и Консервативная партии находятся либо на вторых ролях, либо вовсе отсутствуют. Например, тори и лейбористы не имеют своих партийных организаций в Северной Ирландии. В регионе за власть борются другие силы, которые в той или иной степени могут к ним тяготеть.

Кроме того, Великобритания интересна с точки зрения соотношения между системами голосований и конфигурацией партийной системы. До сих пор на парламентских выборах страна использует базовую мажоритарную систему, что остается почти непреодолимым барьером для допуска малых партий к рычагам власти. Но надо сказать, что и этот барьер перестал быть непроницаемым, вернёмся к примеру 2010 году, когда впервые в послевоенной истории Великобритании, с 1945 года, у власти оказалась коалиция консерваторов и либеральных демократов. Конечно, если брать шире, то сама по себе коалиция – не уникальное, а достаточно обыденное явление в политической истории страны. До Второй мировой войны действовало достаточно много различных коалиционных конфигураций. Первая и Вторая мировые войны (как в целом военное время) – это те периоды, когда по традиции в Британии формировались коалиционные правительства. Так что в чём-то страна возвращается к опыту XIX – первой трети XX веков.

Меняются партии, меняется представления о «левом» и «правом» в политической жизни. И в этом смысле Британия во многом шла впереди континентальных соседей, в том числе, кстати, в плане популизма. Такой проект, как «новый лейборизм», и такой персонаж, как Тони Блэр, – были формами политического популизма, за которым (как и сейчас за многими популистами в Европе) стоял не просто конъюнктурный расчёт, а достаточно глубин-

ные социальные явления. Как и «тэтчеризм», который не сводился к личности премьер-министра: Тэтчер олицетворяла собой масштабные социально-экономические процессы в стране.

Таким образом, Великобритания и в социально-экономическом, и в политическом плане представляет собой исключительно интересный объект для исследования. Сейчас она в очередной раз становится лабораторией, где испытывается ранее невиданная вещь — выход одного из государств-членов из состава Евросоюза. Этим Великобритания нанесёт большой вред всему проекту. Но небольшой компенсацией может стать то, что «брекзит» способен стимулировать модернизацию ЕС, заставит его стать более гибкой и эффективной организацией. «Брекзит», безусловно, окажет большое влияние на саму Великобританию. В чём-то он развяжет руки Лондону в свободе действий в качестве государства с глобальной атрибутикой, но во многом снизит возможности этой страны влиять на процессы, по крайней мере в Старом Свете. Считаю, что при всех плюсах и минусах, «брекзит» со временем будет однозначно оценен как стратегический просчет английского политического истеблишмента. Однако промежуточные выводы можно будет делать не раньше, чем через 2–3 года, когда появятся первые реальные и измеримые результаты выхода Британии из ЕС.

Последствия «брекзита» станут важным показателем того, как дальше может складываться судьба ЕС, будет ли он консолидирован разводом с Великобританией или, наоборот, «брекзит» стимулирует его дальнейшему размыванию и рыхлость. Эти вопросы в ближайшие несколько лет будут занимать умы англофедов и европеистов.

И.И.: Вы сказали, что Великобритания шла во многом впереди других стран Европы, в том числе с точки зрения популизма. Сейчас это явление привлекает значительный интерес. Как Вы считаете, насколько велика опасность популизма в Великобритании в настоящее время и в том числе в ближайших выборах?

А.Г.: Великобритания уже накрыта популизмом; «брекзит», результаты референдума в июне 2016 года, — это оглушительная победа популизма, замешенного на евроскептицизме. Он превратился из маргинала в явление мейнстрима. Он — уже не воплощение радикальных идей или маргинальных течений. Это популизм массовый, который привлек внимание и надежды практически половины населения страны.

Будет ли происходить дальнейшее углубление процессов, которые в полную силу развиваются в Великобритании под диктовку «нового популизма»? Надо понимать, что в Великобритании из-за своеобразия партийно-политической системы популизм не облачён в одежды новых крупных политических проектов. Да, яркая популистская сила — Партия независимости Соединенного Королевства. Но до состоявшихся в июне выборов она имела только один депутатский мандат в Вестминстере, а теперь и его потеряла. Но идеи и настроения, которые ПНСК транслировала, захватили большую часть тори.

Можно спорить о том, подтолкнула ли ПНСК Консервативную партию к популизму или взгляды её собственных представителей на правом фланге привели в свое время к «возникновению» Фараджа. Может быть, это спор о курице и яйце. Как бы то ни было, в Великобритании нет движений «нового популизма», которые претендовали бы на приход к власти. Там нет своего «Движения пяти звезд», которое в Италии имеет шансы добиться политической власти. Там нет своей «Сиризы» или даже своей «Альтернативы для Германии», которая может выигрывать на местном уровне.

Лейбористская партия продолжает сопротивляться возможности раскола, и вряд ли количество партийных субъектов в Великобритании в обозримом будущем вырастет. Прошедшие выборы в июне консерваторы выиграли, хотя и с потерями. Лейбористы заявили чуть ли не о своей де-факто победе, но это большое преувеличение. Но очевидно, что позиции Джереми Корбина окрепли, и партия, судя по всему, покинула «зону риска», которую можно

было сравнить с внутренней ситуацией в ней в годы лидерства Майкла Фута на рубеже 70-х – 80-х.

«Новый популизм» в Великобритании не свидетельствует о своеобразии этой страны. Это тот же популизм, который развивается в различных формах в континентальной Европе, в Соединённых Штатах. Ведь избрание Дональда Трампа и «брекзит» – явления очень схожие. Что стоит за этими процессами при всём своеобразии? За ними стоит такой фактор, как усиление дифференциации и недовольства существующим положением дел среднего класса. «Новый популизм» – это массовое явление. Можно сказать, это популизм социального мейнстрима, который входит в противоречие с политическим мейнстримом, с политическим истеблишментом.

Последний все меньше представляет интересы среднего класса, той его части, которая в последние 10-20 лет (в зависимости от страны) стагнировала в плане доходов. Например, в Италии уже более пятнадцать лет доходы значительной части среднего класса падают. Другими словами, в Европе сначала исподволь, а потом и в открытой форме происходило постепенное обнищание части среднего класса и размывание «социального контракта», который образно был после 1945 г. заключён в Европе обществом и государством.

В связи с этим возникла еще одна очень интересная тема для исследований: партийно-политические системы Европы (по крайней мере западной) в некоторой степени могут претерпевать возвращение к классовому принципу. До появления потребительского общества ведущие партии в большинстве стран Европы делали ставку не на средний класс, который к тому времени еще не стал доминирующим, сколько на один из традиционных классов. Грубо говоря, на рабочий класс или на буржуа-

зию, класс крупных промышленников, работодателей. Сейчас в Европе возникает всё больше партий, которые находят новые электоральные ниши. Не потому, что они конструируют их сами, а потому что происходит углубление социальных диспаритетов. Вновь на передний план выходит противостояние левой и правой идеи – посмотрите на феномен Сандерса, Корбина или Меланшона – и, соответственно, возникает спрос на политическое представительство этих интересов.

В странах, в которых (в отличие от Великобритании) действуют различные модели пропорциональных систем голосования, эти процессы приводят к умножению субъектов политического процесса. В Великобритании происходит примерно то же, но результатом становится не столько появление новых партийных игроков, сколько проникновение «нового популизма» в партии мейнстрима. Через них, трансформируя их изнутри, «новый популизм» добивается своих целей.

Ещё один из парадоксов британской партийно-политической системы. Консервативная партия, несмотря на свое название, не первый раз возглавляет трансформацию (независимо от знака «плюс» или «минус»), которая ломает устоявшиеся «заливные формы» социально-экономической модели развития. Лейбористская партия была триггером модернизации страны после 1945 года, но именно консерваторы в период тэтчеризма и, как мы видим, сейчас проявляют способность к неординарным действиям, которые могут не просто количественно, а качественно менять направление развития страны.

И.И.: Алексей Анатольевич, хотел бы еще раз поздравить Вас с юбилеем Института и юбилеем Ассоциации и поблагодарить за внимание к нашим читателям.